

DOI: 10.31857/S241377150007803-6

Жизнетворчество Максимилиана Волошина: рассказ в парижском кафе “Ротонда”

© 2019 г. А. Ф. Строев

Доктор филологических наук,
профессор университета Новая Сорбонна Париж 3,
17 Rue de la Sorbonne, Paris, 75005, France
alexandre.stroev@sorbonne-nouvelle.fr

Дата поступления материала в редакцию 23 октября 2019 г.

Дата публикации: 31 декабря 2019 г.

Резюме. В статье предлагается аналитическая публикация и перевод на русский язык заметки из французской юмористической газеты “Le Cri de Paris” (март 1918 г.), в которой пересказывается один из устных рассказов М. Волошина, обращенных к завсегдатаям парижского кафе “Ротонда”, где собирались писатели и художники, а также приводится его остроумная шутка. Рассказ поэта напоминает мистификацию: речь идет о трех участниках концерта (двух мужчинах и женщине), которых публика приняла за выступление одного актера-трансформиста. В статье реконструирован действительный источник события (концертное турне М. Волошина, А.Н. Толстого и И.В. Быстрениной в Крыму в июле 1912 г.), впервые собраны вместе и приводятся исторические свидетельства (русские газеты, мемуары). Анекдотическая история вписывается в символистское жизнетворчество, развивавшее тему двойничества и мистического перевоплощения. Тема устного рассказа Волошина восходит к Гофману, а в 1920-е гг. была воспроизведена в рассказе М. Зощенко.

Публикуемая в той же заметке провокационная, на первый взгляд, шутка Волошина отсылает к центральным темам его творчества этих лет: бунт машин, война и революция. Эти темы рассмотрены на фоне западноевропейской и русской литературы XIX – нач. XX вв., посвященной восстанию Твари против Творца (Гёте, Гофман, М. Шелли, Вилье де Лиль-Адан, А. Нер, Р. Роллан, А. Сель, К. Чапек, А.Н. Толстой); кроме того, привлекается и широкий теософский контекст, послуживший немаловажным источником историософских воззрений Волошина.

Ключевые слова: Т.В. Балашова, М. Волошин, А.Н. Толстой, К. Чапек, Франция, танец, цирк, русский символизм, миф, двойничество, бунт машин, теософия.

Для цитирования: Строев А.Ф. Жизнетворчество Максимилиана Волошина: рассказ в парижском кафе “Ротонда” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 6. С. 54–66. DOI: 10.31857/S241377150007803-6

Maximilian Voloshin’s Lifecreation: Story in the Cafe “La Rotonde”

© 2019 Alexandre Stroev

Doctor Hab (HDR),
Professor of University Sorbonne Nouvelle Paris 3,
17 Rue de la Sorbonne, Paris, 75005, France
alexandre.stroev@sorbonne-nouvelle.fr

Received: October 23, 2019

Date of publication: December 31, 2019

Abstract. The article is devoted to the analysis of M. Voloshin’s oral stories in a biographical and literary context. In March 1918, the French humorous newspaper *Le Cri de Paris* published a retelling of Voloshin’s oral

memoires that amused the frequenters of the Parisian cafe “La Rotonde” where writers and artists gathered; his jokes also were published there. The poet’s story reminds a mystification: the audience mistook the performance of three concert participants, two men and a woman, for the performance of one transformer actor. At the same time, the article determines that the real source of the event was the concert tour of M. Voloshin, A.N. Tolstoy and I.V. Bystrenina in Crimea in July 1912. The article also provides other sources and evidence — Russian newspapers, memoirs. Anecdotal history is presented in the context of symbolist’s *creation of life*, developing the theme of duality and mystical transformation. The theme goes back to Hoffmann and then, in the 1920s, was reproduced in the story of M. Zoshchenko.

Another part of the newspaper publication cited Voloshin’s provocative joke, which actually refers to one of the central themes of his work in those years: a riot of machinery, the WWI and the Revolution. These topics are discussed against the background of the Western European and Russian literature of 19th — early 20th century, dedicated to the rebellion of a Creature against its Creator (cf. Goethe, Hoffmann, M. Shelley, A. de Villiers de L’Isle-Adam, H. Ner, R. Rolland, A. Seuhl, K. Čhapek, A.N. Tolstoj); in addition, a broad Theosophical context is also involved, which served as an important source of Voloshin’s historiosophical views.

Key words: T.V. Balashova, M. Voloshin, A.N. Tolstoj, K. Čhapek, France, dance, circus, Russian symbolism, myth, duality, a riot of machinery, Theosophy.

For citation: Stroeve, A.F. *Zhiznetvorchestvo Maksimiliana Voloshina: rasskaz v parizhskom kafe “Rotonda”* [Maximilian Voloshin’s Lifecreation: Story in the Parisian Cafe “La Rotonde”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 6, pp. 54–66 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150007803-6

Светлой памяти Т.В. Балашовой

По просьбе Тамары Владимировны Балашовой в 2018 г. я нашел различные упоминания о Максимилиане Волошине во французской прессе начала XX в. и прислал ей библиографический список. Увы, Тамара Владимировна не успела им воспользоваться¹. В этой статье я комментирую наиболее интересную заметку.

Она была опубликована в конце Первой мировой войны, 31 марта 1918 г., в сатирической газете “Парижский крик” (“Le Cri de Paris”), в рубрике “Литература и искусство”. Немцы, заключив Брестский мир, перешли в наступление и в марте 1918 г. обстреливали Париж из дальноточных орудий. Жители в страхе бежали из столицы. Видимо, желая поднять дух читателей, газета печатает юмористические воспоминания о Максимилиане Волошине. Заметка не подписана, так же как все остальные материалы в номере. Этот иллюстрированный еженедельник левого толка был основан братьями Александром и Фадеем Натансонами в январе 1897 г. и просуществовал до июня 1940 г. В 1901 г. газету перекупил финансист Поль Дольфюс; редакцию возглавил драматург Арман

Эфраим, автор либретто (в соавторстве с Адольфом Адерером) музыкальной драмы “Дарья” (1905, композитор Жорж Марти) по мотивам прозы В.Г. Короленко.

Место действия — знаменитое парижское кафе “Ротонда”, приют европейской богемы, поэтов, художников, революционеров.

Художница Маревна (см.: [1]) и Илья Эренбург в своих воспоминаниях подробно описывают атмосферу кафе и перечисляют его завсегдатаев:

Вот далеко не полный список. Французские поэты Гийом Аполлинер, Макс Жакоб, Блез Сандрар, Кокто, Сальмон, художники Леже, Вламинк, Андре Лот, Метценже, Глез, Карно, Рамэ, Шанталь, критик Эли Фор; испанцы Пикассо, Хуан Грис, Мария Бланшар, журналист Корпус Барга; итальянцы Модильяни, Северини; мексиканцы Диего Ривера, Саррага; русские художники Шагал, Сутин, Ларионов, Гончарова, Штеренберг, Кремень, Феллер, Фотинский, Маревна, Издебский, Дилевский, скульпторы Архипенко, Цадкин, Мещанинов, Инденбаум, Орлова; поляки Кислинг, Маркусси, Готтлиб, Зак, скульпторы Дуниковский, Липшиц; японцы Фужита и Кавашима; норвежский художник Пер Крог; датские скульпторы Якобсен и Фишер; болгарин Паскин. Вспомнить трудно — наверно, я много имен пропустил [2, с. 158–159].

Приведем сначала французский текст заметки [3], а затем русский перевод.

La belle matinée

Qu’est devenu le poète russe Volochine? Il a, disent les familiers de *La Rotonde*, quitté le Montparnasse paisible

¹ Т.В. Балашова опубликовала статьи: Французская литература от века XIX к веку XX: эскизный портрет Максимилиана Волошина // Филологический класс. 2018. №2 (52). С. 153–158; Голос Максимилиана Волошина в литературных дискуссиях середины XX века // Вестник НГЛУ. Выпуск 42. Художественный текст на пересечении культур. 2018. С. 94–108. Я приношу искреннюю благодарность Е.В. Глухой и М.Я. Вайскопфу за ценные советы.

pour son pays qui l'est moins. Souvent on se redit ses bonnes histoires. Celle-ci n'est pas la moins curieuse.

— Un jour, contait Volochine entre deux bocks, un ami, une jeune dame et moi nous arrivons à Odessa pour donner une matinée d'art. Mon ami devait faire une conférence; notre compagne danserait et moi-même je réciterais de mes vers. Nous nous mettons en quête d'une salle. On nous en loue une. Et devant un nombreux public, le conférencier parle. On l'applaudit dès son entrée. Cet accueil l'enchantait. Il sourit. Il parle. Quand il a fini de parler, il se retire sans qu'un seul bravo cette fois lui fasse fête. Silence.

C'est le tour de la danseuse. Elle entre en scène. On l'acclame. Elle danse. Lorsqu'elle quitte la scène, pas un cri. Silence.

Je me présente enfin. Autres acclamations, autres applaudissements. Mais quand j'ai terminé de dire mes vers, rien. Silence.

Nous nous demandions quelle mode nouvelle voulait que les bravos fussent réservés aux entrées, lorsque le propriétaire de la salle, affolé, nous l'expliqua: on avait oublié de retirer l'affiche qui, à l'extérieur, annonçait la représentation d'un célèbre transformiste. Dans mon ami, qui est long et maigre, dans notre compagne qui est petite et menue, dans moi-même qui suis moyen et gros, le public avait cru applaudir ce qu'il prenait pour les successives transformations d'un seul.

C'est Volochine qui disait calmement à un de nos confrères, sur la plate-forme d'un tramway et pour la stupéfaction des autres voyageurs:

— Que diriez-vous si les machines se révoltaient?

Mais ce ne sont point les machines qui dans son pays entrèrent en révolte.

Чудесное утро

Куда делся русский поэт Волошин? Завсегдатаи кафе "Ротонда" уверяют, что он покинул мирный Монпарнас ради своей страны, куда менее покойной. Частенько пересказывают его забавные истории. Эта не самая скучная.

Однажды, повествовал Волошин между двумя кружками пива, мы с другом и юной дамой приехали в Одессу выступить на художественном утреннике. Друг должен был прочесть лекцию, наша спутница — танцевать, а я декламировать свои стихи. Стали искать зал. Нам его сняли. И к многочисленной публике обращается докладчик. Ему тотчас аплодируют. Такой прием его очаровывает. Он улыбается. Держит речь. Когда кончает и уходит, никаких "браво". Тишина.

Наступает очередь танцовщицы. Она выходит на сцену. Овация. Она танцует. Когда покидает подмостки, ни одного возгласа. Тишина.

Наконец, появляюсь я. Снова овация, снова аплодисменты. Но когда кончаю читать стихи, ничего. Тишина.

Мы удивляемся этой новой моде кричать bravo в начале, но тут взволнованный владелец зала объявляет: забыли снять афишу, которая снаружи объявляла о выступлении знаменитого актера-трансформатора. Увидав моего друга, высокого и тощего, нашу спутницу, маленькую и хрупкую, и меня, невысокого толстяка, публика аплодировала не нам, а тому, что ей казалось перевоплощениями одного человека.

Этот же Волошин спросил спокойно у одного из наших собратьев по перу, на трамвайной площадке и к изумлению прочих пассажиров: "А что вы скажете, если машины взбунтуются?"

Но отнюдь не машины взбунтовались в его стране.

* * *

Мистификация или обыгрывание действительных событий?

Повествуя о жизни Волошина в Париже, Эренбург описывает его как замечательного рассказчика и мистификатора:

У Волошина повсюду находились слушатели, а рассказывать он умел и любил. Макс придумывал невероятные истории, мистифицировал <...>. Чего Волошин только не выдумывал! Каждый раз он приходил с новой историей. Он не выносит бананов, потому что — это установил какой-то австралийский исследователь — яблоко, погубившее Адама и Еву, было вовсе не яблоком, а бананом. У антиквара на улице Сэн он нашел один из тридцати серебряников, которые получил некогда Иуда. Писатель восемнадцатого века Казотт в 1778 году предсказал, что Кондорсе отравится в тюрьму, чтобы избежать гильотины, а Шамфор, опасаясь ареста, разрежет себе жилы. Он не требовал, чтобы ему верили, — просто играл в интересную игру [2, с. 142]

Однако тут Волошин ничего не придумывал, а только творчески пересказывал. В XIII в. банан называли "райским яблоком", как в путешествии Марко Поло ("Книга чудес света", 1298) и французских рукописях ("pomme de paradis" — "Régime du corps de Aldebrandin de Sienne", 1256²). Мог он купить сестерций у антиквара на улице Сены. Пророчество Жака Казота, якобы произнесенное в 1788 г. накануне Революции, известно по рассказу Жана-Франсуа де Лагарпа³, многократно пересказанному в мистических сочинениях XIX в.

² TLFi (Trésor de la langue française informatisé): atilf.atilf.fr/

³ La Harpe, Jean-François de. La prophétie de Cazotte (1806, 1817). См.: [4].

Речь идет о символистском жизнотворчестве, создании собственной легенды, где жизнь и творчество переплетаются, взаимно подпитывают друг друга, как о об этом писал еще Ходасевич⁴.

Газетная заметка отсылает к последнему приезде Максимилиана Волошина в Париж, который он покинул 25 марта / 7 апреля 1916 г. Авторитетный литературный журнал “Меркюр де Франс” отмечает, что поэт присутствовал на торжественном вечере памяти Поля Верлена, состоявшемся 9 января 1916 г., где среди выступавших был литератор Ан Ринер⁵, о котором речь впереди.

Журналист либо сам слышал историю, либо изложил ее с чужих слов (“Частенько пересказывают его забавные истории”), а потому допускает неточности. Одесса скорее всего упоминается ассоциативно: Одесская улица находится в Париже недалеко от кафе “Ротонда”, тогда как Севастопольский бульвар — на другом, правом берегу Сены. История распадается на две части: описание концерта и эффектная фраза, брошенная в трамвае.

Начнем с первой.

Вечер слова, жеста и гармонии

Концертное турне, о котором идет речь, “Вечер слова, жеста и гармонии”, прошло в Крыму летом 1912 г.: Коктебель (4/17 июля), Феодосия (12/25 июля), Евпатория (14/27 июля), Симферополь (15/28 июля), Севастополь (16/29 июля). Волошин писал А.М. Петровой:

После нашего “турне” я только немного начинаю приходить в себя. Я все-таки после непрерывной “практической” суматохи с 1 по 20 июля, и вернувшись в Коктебель, почувствовал себя совершенно разбитым. Теперь собираюсь с силами и принимаю за работу [5, с. 711–712]⁶.

О нем писала местная пресса:

*“Крымский курортный листок”,
13/26 июля 1912 г.*

КОКТЕБЕЛЬ. Концерт.

На днях здесь состоялся концерт свободной художницы В.А. Поповой (пианино) и И.В. Быстрениной (пластические танцы) при благосклонном участии артистки московского художественного

театра О.В. Богословской, поэта Максимилиана Волошина и писателя графа А.Н. Толстого.

В общем концерт, в смысле исполнения и в отношении сбора, прошел очень удачно. Очень понравились публике пластические танцы, исполненные И.В. Быстрениной. Все исполнители были награждены дружными аплодисментами публики и неоднократно повторяли на bis. Концерт посетили почти все кокетельские дачевладельцы и дачники. Устроен был концерт на одной из веранд дачи Волошиной.

*“Крымский курортный листок”,
18/31 июля 1912 г.*

ЕВПАТОРИЯ

“Вечер гармонии слова и жеста”, устроенный в городском сквере 14 июля при участии писателя графа Алексея Николаевича Толстого и поэта Максимилиана Волошина, привлек такую массу публики, какой в сквере, вероятно, не было со дня его открытия. Положительно — “яблоку негде было упасть” и становилось душно под открытым небом, вблизи моря... После симфонического концерта нашего сезонного оркестра, прошедшего с обычным успехом, пюпитры и стулья были убраны, и раковина стала свободной для отдельных выступлений. М. Волошин мастерски продекламировал несколько своих поэтических вещей, из которых публике особенно понравились “Кастаньеты”, а гр. А.Н. Толстой прочел три свои сказки: “Заяц”, “Козел” и “Месяц”⁷. Содержание их за недостатком места <...>, так и потому, что они напечатаны в сборнике его сочинений.

Кроме того, артистка В.А. Попова исполнила на рояле Fantasia Моцарта, Étude de concert Листа и др., вложив в исполнение, при недюжинной технике, глубокое чувство и художественную красоту. Наконец, в антрактах между выступлениями поименованных трех лиц И.В. Быстренина доставила удовольствие публике своими танцами. Все танцы г-жи Быстрениной, особенно мазурка и вальс, были легки, плавны, художественно красивы и, главное, грациозны.

“Южные ведомости”, 18/31 июля 1912 г.

СЕВАСТОПОЛЬ.

Ренессанс.

“Вечер гармонии слова и жеста”, устроенный 16 июля, дал очень мало сбора. Театр был почти пуст. Причина — слабая осведомленность публики. Зато немногие, посетившие в этот вечер театр г. Никуличева⁸, получили большое удовольствие от

⁴ “Это был ряд попыток, порой истинно героических, — найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства” (Ходасевич В.Ф. Конек Ренаты [1928]).

⁵ Mercure de France. 1916, 1er février. T. 113. N°423. P. 572.

⁶ Волошин М.А. Собрание сочинений: в 12 т. М., Эллис Лак, 2000–2009. Т.9. С. 711–712.

⁷ В 1909 г. Волошин напечатал в “Аполлоне” хвалебную рецензию на “Сорочьи сказки” А.Н. Толстого.

⁸ Театр Ренессанс (антрепренер А.С. Никуличев) был открыт в сентябре 1911 г.; в нем играли спектакли и показывали фильмы.

превосходной, прочувствованной игры г. Поповой, и от декламатора г. Волошина и от мелоластики Быстрениной. Публика шумно приветствовала исполнителей и требовала бесконечных повторений⁹.

Участники турне: Алексей Николаевич Толстой, высокий и худощавый. Вера Александровна Попова (1891–1960), пианистка, невеста, а затем жена художника Вениамина Павловича Белкина (1884–1951)¹⁰. Инна Владимировна Быстренина (1887–1947), танцовщица, балетмейстер, дочь писателя В.П. Быстренина; подруга Марины Цветаевой. Окончила в Москве Высшие женские курсы В.И. Герье, училась танцу в классах Е.И. Рабенек. Слушала лекции Максимилиана Волошина и близко с ним подружилась; сохранились ее письма к поэту (см.: [6], [7, с. 46–48]). Ольга Владимировна Богословская (р. 1889), артистка МХАТа, сестра И.В. Быстрениной. Толстые, И.В. Быстренина и актриса В.Я. Эфрон, также занимавшаяся в студии Е.И. Рабенек, приехали в Коктебель в мае 1912 г.¹¹

Волошин посвятил современному танцу как “очистительному обряду” статьи “Айседора Дункан” (Париж, 1904), “Культура танца” (1911) и “О смысле танца” (1911), рассказывающие о студии Е.И. Рабенек.

О трансформаторе газеты не упоминают, но в заметке о выступлении в Севастополе говорится о “слабой осведомленности публики”.

Сохранились и другие описания пресловутого концерта. Писатель Иннокентий Мемнонович Басалаев (1897–1964) передает рассказ Волошина, у которого он гостил в Коктебеле в 1929 г.:

Волошин рассказал случай, который впоследствии Зощенко положил в один из своих рассказов (“Случай в провинции”).

Волошин, Алексей Толстой, одна балерина и певец как-то устраивали литературно-музыкальные вечера. В одном из южных городов долго не могли найти свободного зала. Наконец помещение было найдено — зал им был уступлен потому, что предполагавшееся чье-то выступление не состоялось. Вышел на сцену Толстой. Читает. За ним певица. Публика при ее виде аплодирует. Потом выступает с чтением стихов грузный Волошин. Аудитория,

увидя его, аплодирует еще громче. После Волошина выбегает тоненькая балерина. И не успела она показаться — публика неистовствует. А когда они кончают номер — зрители молчат. Концертанты в недоумении. Почему аплодируют не после окончания номера, а перед ним? В городе их не знали. Наконец за балериной опять выходит полный Толстой. Публика уже входит в раж, гремит стульями, кричит “браво” и “бис”. Словом, концертом остались все довольны. Сами выступающие хотя и со смущением, но охотно приняли эти восторги. На другой день оказалось, что аудитория принимала концертантов за трансформатора, выступление которого, назначенное в этот день, не состоялось [8, с. 572–573].

Отметим, что рассказ М. Зощенко “Случай в провинции” (1924), написанный от первого лица, имитирует автобиографический стиль и упоминает среди участников реальное лицо, поэта Дмитрия Цензора (см.: [9, с. 262–287 (гл. XIV)]). Неизвестно, от кого Зощенко услышал эту историю: от Волошина, Толстого или в чьем-то пересказе.

Последний вариант принадлежит писателю Льву Никулину, который присутствовал на концерте в Севастополе. Его воспоминания написаны в 1960-е гг. и, разумеется, Л. Никулин описывает в первую очередь классика советской литературы А.Н. Толстого. При этом, спустя пятьдесят лет, он “вычисляет”, какие именно произведения должны были читать писатели, заменяет одну танцовщицу другой, добавляет любовную историю и со свойственным ему пролетарским гуманизмом и осведомленностью в деятельности правоохранительных органов, сообщает, что актера, якобы тогда сидевшего в зрительном зале, впоследствии расстреляла ЧК.

Когда в Севастополе появилась афиша, извещавшая, что в кинематографе “Ренессанс” состоится вечер писателя Алексея Николаевича Толстого, поэта Максимилиана Волошина и танцовщицы Адды Корвин¹², я был среди немногих зрителей.

Алексей Толстой — стройный, красивый молодой человек с темными подстриженными в скобку по-русски волосами, оглядел почти пустой зал, сел на стул и неохотно и к тому же невнятно стал читать рассказ о звероподобных заволжских помещиках, об их странном и диком быте¹³. Читал скороговоркой, делая паузы, втягивая ноздрями воздух. Было душно. Все двери были открыты настежь, но даже зайцы, даровые зрители, не шли.

⁹ Газетные статьи цитируются по сайту “Газетные старости”: <http://starosti.ru>.

¹⁰ Волошин подарил пианистке книгу стихов “Anno mundi ardentis 1915” с дарственной надписью: «Милой Вере память о лете в Коктебеле и о “турне”. Максимилиан Волошин. 1916. СПб» [5, с. 712].

¹¹ См. письмо М. Волошина к В.И. Ребинову из Коктебеля от 13 (26) мая 1912 г. [5, с. 704–705].

¹² Ада (Адда) Адамовна Корвин (наст. фам. Юшкевич, псевд. Алексеева, ум. в 1919), драматическая актриса и танцовщица, танцевала в стиле Айседоры Дункан.

¹³ Как мы видели, А.Н. Толстой читал сказки.

После Толстого вышел Максимилиан Волошин, с пышной шевелюрой, обросший курчавой бородой, как у ассирийских быков на древних скульптурах. Он читал, слегка подвывая: “В дождь Париж расцветает, точно серая роза...”

Публика скучала и ждала танцовщицу. В золотистом хитоне, очень худая, черноволосая, она танцевала вальс Дебюсси под фортепьяно. На этом закончился литературный вечер. Мы, молодые люди, пошли знакомиться с Толстым. Он встретил нас с недоумением, потянул носом воздух и спросил, откуда так вкусно пахнет жареными пирожками. Пахло вкусно из ресторана на Приморском бульваре, близ летнего театра. Толстой отправился туда. Почитатели литературы отправились за ним. Остальная молодежь осталась ждать танцовщицу. Она вышла еще более невзрачная, чем на сцене, за ней шел рыжий казачий хорунжий, офицер Терского казачьего войска, в красной черкеске с кинжалом.

Хорунжего мы знали, он был актером драматической труппы. Иногда появлялся в казачьей форме, на которую не имел никаких прав, как потом оказалось. Он так и не отставал от танцовщицы, ездил за ней целый год, сошелся с ней и почти довел до сумасшествия.

Прошло много-много лет. Как-то я напомнил Алексею Николаевичу о вечере в Севастопольском театре “Ренессанс”.

— Как же, помню. В первом ряду сидел черт в красной черкеске с кинжалищем в аршин.

Чудесный выдумщик, он тут же сочинил анекдот, будто публика пришла в театр на представление трансформатора Франкарди и будто его, Толстого, Макса Волошина и танцовщицу приняли за этого трансформатора, превращавшегося то в толстого бородача, то в плясунью.

Рассказывал он серьезно и вдруг засипел, чуть не задыхаясь от смеха, радуясь собственной выдумке.

“Черт в красной черкеске” появился в Москве в 1918 г. Его обвинили в том, что он был агентом охранного отделения. Состоялся даже либеральный “суд чести”, где писатель Марк Криницкий¹⁴ защищал лжехорунжего, но все-таки обвинения в сотрудничестве с охранкой со своего подзащитного не снял. Большевики поступили иначе: в 1919 г. этого актера расстреляла Киевская чека [10, с. 260–261].

Лев Никулин рассказ Алексея Толстого о трансформаторе не подтверждает, но сообщает его имя. Австриец Отто (Оттоне) Франкарди (1883–1942) гастролировал в России с 1907 г.¹⁵ Приведем несколько газетных заметок, описывающих гастроли Франкарди в Крыму, его финансовые и другие сложности.

“Крымский листок”, 13 / 26 июля 1907 г.

Представлял в одном лице трагикомедию “Она”, “музыку-шутку” “Урок музыки”, драматические сцены “Панический страх” и 10 музыкальных номеров с имитацией голоса Карузо.

*“Ивановский листок”,
25 октября / 7 ноября 1912 г.*

Гастролировавшая здесь труппа Франкарди из нескольких горе-артистов оказывается не заплатила типографии даже за набор афиши (2 р. 50 к.), заказанной управляющим, который “честным словом” уверял, что в день отъезда обязательно уплатит и, конечно, носа не показал.

“Раннее утро”, 20 ноября / 3 декабря 1916 г.

В Усть-Цильме находится в настоящее время известный трансформатор Франкарди (Франк). В начале войны он был задержан как австрийский подданный и выслан на север.

Итак, как мы видим, рассказ Волошина мог соответствовать действительности. Устный текст многократно повторяется в Париже и в России, порождает многочисленные произведения: французскую газетную заметку, рассказ Зощенко, воспоминания слушателя и очевидца. Думается, что у него был и предшественник: рассказ Гофмана “Крошка Цахес” (1819), где все лучшие людские деяния, в том числе концертные выступления, приписываются одному человеку¹⁶.

Я играю, — продолжал Сбюкка, — труднейший концерт Виотти. [...] Когда я кончил, раздались яростные рукоплескания — *furore*, разумею я, чего я и ожидал. [...] Все до единого, не обращая на меня ни малейшего внимания, столпились в одном углу залы и кричат: “Bravo, bravissimo, божественный Циннобер! Какая игра! Какая позиция, какое искусство!” Я бросаюсь в толпу, проталкиваюсь вперед. Там стоит отвратительный уродец в три фута ростом и мерзким голосом гнусавит [...].

Короткое время спустя ко мне вбегает синьора Брагацци и падает в обморок. С ней приключилось то же, что и со мной. Едва она кончила арию, как всю залу потрясли крики: “Bravo, bravissimo, Циннобер!”.

Бунт машин

Перейдем к концовке газетной заметки:

Этот же Волошин спросил спокойно у одного из наших собратьев по перу, на трамвайной площадке

¹⁴ Марк Криницкий (Михаил Владимирович Самыгин, 1874–1952), писатель, друг молодости В. Брюсова.

¹⁵ Об искусстве трансформаторов см.: [11, с. 230–231].

¹⁶ Об описании магических трюков в рассказах Гофмана см.: [11, с. 8, 39, 60, 177].

и к изумлению прочих пассажиров: “А что вы скажете, если машины взбунтуются?” Но отнюдь не машины взбунтовались в его стране.

Журналист описывает поведение поэта как театральное, эпатазирующее и пророческое: бунт машин предвещает революцию.

Трудно сказать, с кем беседовал поэт в парижском трамвае. Но можно восстановить литературный контекст. В первую очередь, это рассказ анархиста, философа, писателя и журналиста Анри Нера (псевдоним Ан Ринер [Henri Ner / Han Ryner], 1861–1938) “Бунт машин” (“La Révolte des machines”, 1896), с которым, как мы видели, Волошин был вместе на вечере памяти Верлена.

В библиотеке Волошина сохранились три книги А. Нера (Ринера) с пометами, отчёркиваниями и владельческими записями: *Ryner, Han. Georges Lanoë-Villène. Un artiste ignoré, le peintre Le Marcis. Paris, 1900*¹⁷; *Prostitués: Études critiques sur les gens de lettres d'aujourd'hui. Paris, 1904*; *L'Ingénieur hidalgo Miguel Cervantès. Paris, 1926* [12, № 1308–1310]. Первые две были приобретены во Франции, третья — в России. Первая посвящена забытому художнику, вторая — памфлет на современных французских писателей, ставших литературными проститутками.

Рассказ А. Нера — трагическая история Великого Изобретателя, создателя машин, которые могут самовоспроизводиться. Тем самым труд людей становится ненужным. Однако паровоз Жанна, разлученная со своей дочкой Жанеттой, не может перенести утрату и поднимает собратьев на восстание. Она приканчивает изобретателя, крича: “Я убила Бога!” Машины, испугавшись анархии, возвращаются в рабство к людям. Но никто более не может найти секрет партеногенеза механизмов.

М. Волошин подхватывает эту тему в двух статьях, написанных в Париже для “Московской газеты”. В первой, “Бунт машин” (сентябрь 1911 г.), он рассказывает о взрыве боеприпасов на французском броненосце в Тулоне 25 сентября 1911 г., погубившем и ранившем около пятисот моряков. Поэт превращает трагическое событие в символическое:

Машины бунтуют против человека. Это самое страшное и в то же время неизбежное, что предстоит пережить человеческому роду. Мы вызвали к жизни, к бытию и к действию дремавшие силы природы, создали для них стальные тела и мускулы — новую породу одушевленных существ, по

отношению к которой мы являемся богами, но они всегда стремятся вырваться из-под нашей власти и бунтуют против нас <...>.

Франция чаще других неосторожно берет в руки сосуды, от века запечатанные Соломоновой печатью, и поэтому чаще всего страдает от бунта (сил извечно пленных), от мятежа вещей и машин, который пользуется малейшей трещиной в социальной дисциплине, чтобы прорваться наружу в вихре смерти и разрушения [13, с. 413–414].

Машины уподобляются демону, вырвавшемуся на волю, а их мятеж — революции¹⁸. Формула “Мятеж ли вы вещей извечно плененных?” возникает в статье “Демоны разрушения и закона” (1908), развивающей идеи М. Метерлинка (см.: [14, с. 255]). В наброске статьи “Демонизм машины” (1909) поэт писал, что машины — олицетворения духов стихий.

Они повинуются нам, как рабы, и беспрекословно исполняют все наши желания. Но проходит время, и мы вдруг начинаем сознавать, что совсем не они наши рабы, а что мы безвозвратно продали им в рабство свою вольную душу. Что они — эти мертвые твари человека — правят нашей жизнью и диктуют нам свои законы.

Что они похожи на дьявола, которому человек продает свою душу [15, с. 600].

В статье “Грядущая Ева и Эдисон” (октябрь 1911 г.) Волошин противопоставляет газетной шумихе вокруг приезда в Европу великого изобретателя Томаса Эдисона роман Вилье де Лиль-Адана¹⁹ “Грядущая Ева” (1886, русск. пер. 1910–1911):

Роман этот заслуживает имени гениального во все не потому, что он так точно описывает устройство механизма женщины, созданной Эдисоном, <...>, а потому, что он, вскрывая с едкой горечью все тайные пружины чувственной любви, с совершенно дьявольским остроумием доказывает, что их можно подменить, подделать, создать женское обаяние чисто механически, идя к цели более

¹⁸ Напомним, что одной из первых публикаций Волошина во Франции был рассказ о кровавом воскресении: *Volochine, Max. La semaine sanglante à Saint-Petersbourg: récit d'un témoin // L'Européen: courrier international hebdomadaire. 1905. N°167, 11 fév. P. 14–16. Статья перепечатана в социалистическом журнале “Pages libres” (1905. N°216, 18 fév.) ; упоминание в газете L'Aurore (1905. N°2682, 21 fév. P. 6.)*.

¹⁹ Поэт чувствовал духовную близость с французским писателем. В 1908 г. в статье “Вилье де Лиль-Адан”, посвященной переводу на русский язык его “Жестоких рассказов”, Волошин сосредоточился на анализе “Машины Славы”, заменяющей деятельность людей. В 1907 г. он перевел драму Вилье де Лиль-Адана “Аксель”, а затем в статье “Апофеоз мечты” (1916) проанализировал ее диалог с Достоевским и рассказал об авторе.

¹⁷ Книга вышла в издательстве при левом литературном франко-бельгийском журнале l'Humanité Nouvelle.

логическими и неотвратимыми путями, чем идут женщины [13, с. 432–433].

В дальнейшем соединение этих двух тем, механических людей, способных любить, и бунта машин, ляжет в основу многочисленных произведений. Восходит “Грядущая Ева” к рассказу Гофмана “Песочный человек” (1817), где любовь к механической кукле, умеющей петь, танцевать, играть на пианино, говорить несколько слов, сводит с ума и губит студента Натанаэля, принявшего ее за живую женщину²⁰. До этого его отец погиб при взрыве алхимической лаборатории; невеста студента Клара называет его духовидцем.

Также трагична история изобретателя и его де-тища в романе Мэри Шелли “Франкенштейн, или Современный Прометей” (1818). Франкенштейн мечтает соединить традицию оккультной философии Агриппы Неттесгеймского и занятия естественными науками. В духе идей “витализма” начала XIX века он находит “жизненную силу”, которая оживляет тело, созданное хирургическим путем. Однако искусственное существо вызывает у людей ужас и ненависть. В нем видят чужака, если не дьявола. Тщетно ищет оно любви, заклинает Франкенштейна сделать для него спутницу. Но изобретатель уничтожает уже готовое женское тело, боясь, что сотворенные им гиганты, ростом в 8 футов, могут дать потомство и покорить род людской. Озлобленная тварь (в смысле творение) становится для Франкенштейна бесовским проклятием, убивает близких творца, а затем и его самого.

В трагедии “Фауст” Гёте показывает опасности, подстерегающие алхимика, для коего наука — способ проникновения в мистические тайны. Во 2-й части (опубл. 1832) Мефистофель помогает герою создать гомункула (выращенного в пробирке человека) и материализует дух Елены Прекрасной.

В конце XIX — начале XX века участники спиритических сеансов и теософы используют технические средства для фотографирования духов и записи их голосов. Томас Эдисон познакомился с Еленой Блаватской в Нью-Йорке в 1878 г. и многие годы работал над созданием аппарата, позволяющего наладить связь с “иным миром” (см.: [18]). Однако Волошин, доказывая, что теософия, оккультизм — альтернативный и действенный способ познания мира, предостерегает: “Но характерно то, что все открытия науки, все приложения великих сил — пара, электричества и взрывчатых веществ, найденных на процветанье человечества, — все они

послужили больше на зло и на порабощение и на истребление человека, чем во благо его” [15, с. 237 (статья “О теософии”, 1907)]).

Смертоубийственные машины становятся реальностью во время Первой мировой войны, начало которой застало Волошина в Дорнахе (Швейцария), где он принимал участие в строительстве “Гётеанума” Рудольфа Штейнера, мирового центра антропософии, и во Франции. В стихотворении “Цеппелины над Парижем” (1915) и одноименной статье (1916) немецкие дирижабли предстают как олицетворение отроческого страшного сна о механическом драконе.

Но сейчас в органической эволюции войны совершается именно этот процесс — замены человека машиной. <...> По всем данным настоящей войны, мы вправе себе представить следующий этап войны как борьбу исключительно машин с машинами, руководимых своими машинистами только издали [13, с. 512–513].

В статьях Волошин повторяет без устали, что французская военная машина беспощадно уничтожает писателей, что их уже погибло около трехсот (“Париж и война”, 1915–1916, “Франция и война”, 1916).

И в это время Волошин пишет стихи, позднее вошедшие в поэму “Путями Каина. Трагедия материальной культуры” (1915–1926; основная часть создана в 1922–1924 гг.). Исходные тезисы ее восходят к упомянутым выше стихам и эссе (в первую очередь, “Демоны разрушения и закона”) и к лекции “Скрытый смысл войны”, прочитанной в Коктебеле в 1918 г. Однако опыт революции и гражданской войны заставляют переосмыслить их. Поэма посвящена парадоксу мятежа. Без насилия мир остановится, но революция приводит к установлению новой диктатуры, еще более страшной и кровавой.

Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор;
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

[19, с. 15 (III. Магия)]

Машина — победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умять промежности елеем,
Кормить углём и принимать помёт. <...>
Машина научила человека <...>
Что человек — такая же машина.

[19, с. 31–32 (VII. Машина)]

²⁰ Гофман, разумеется, знал об автоматах Вокансона и Кемпелена, музицирующих, играющих в шахматы, произносящих слова (см.: [16], [17]).

Страшно то, что люди, став рабами машин, уподобились им, а затем создали общество, построенное на самоуничтожении. Предсказания Достоевского стали явью:

Всё новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хоромы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Не видел иступлённый мир.
<...>
Тогда раздался новый клич: “Долой
Войну племён, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!”
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Сдирали скальпы, резали ремни,
Сквернили церкви, жгли дворцы, взрывали
Пути, мосты, заводы, города,
Уничтожали склады и запасы,
Ломали плуги, угоняли скот,
Гноили хлеб, опустошали сёла,
Питались человечины, детей
Засаливали впрок²¹ — была разруха,
Был голод. Наконец пришла чума.

[19, с. 42 (X. Война)]

События, пережитые поэтом, оказались страшнее фантастических сочинений о войне людей и машин. Напомним, что действие романа Замятина “Мы” (1920–1921), описывающего цивилизацию омашиненных людей, происходит после войны города и деревни, голода и перехода на нефтяную пищу, унесшую 98% населения.

Ромен Роллан написал в 1921 г. сценарий “Бунт машин, или распоясавшаяся мысль”, развивая идеи Анри Нера. Иллюстрации, представляющие будущий фильм, нарисовал Франс Мазерель²². Книга была напечатана, но в продажу не поступила, поскольку автор мечтал увидеть свое творение на экране. Машины выполняют за людей всю работу, могут даже читать их мысли и, воспользовавшись конфликтом между президентом и великим изобретателем, восстают против них и побеждают. Однако, машинам нужно, чтобы люди смазывали их, заправляли, чинили. Великий изобретатель

провоцирует войну между ними, и машины уничтожают друг друга. Люди возвращаются в золотой век сельских трудов. Но изобретатель мечтает о новых, еще более совершенных машинах...

В 1924 г. появился роман Антонена Селя (наст. имя Антонен Пату, писал также под псевдонимом Пьер Адан) “Забастовка машин”²³ (русский перевод вышел в 1927 г. под названием “Бунт машин”). Писатель доводит до карикатуры приемы экспрессионизма; персонажи воплощают социальные типы и носят говорящие имена: Делец, Актерка, Девчущка, Чел. В современном технократическом обществе рабочие превратились в машины, обслуживающие стальные чудовища, которые больше них похожи на живые существа. Герой изобретает способ останавливать на расстоянии все механизмы; он выдает себя за секретаря Союза Машин и объявляет о забастовке машин. Бунт стального племени против человечества напоминает апокалипсис, промышленность и транспорт бездействуют. Но затем горожане превращаются в ремесленников и крестьян, налаживается мирная жизнь. Правительство едва не арестовывает изобретателя, но благодаря любовной идиллии все возвращается на круги своя.

Но еще раньше, до Роллана и Селя, Карел Чапек создал пьесу “РУР” (1920, пост. 1921), вскоре переведенную на немецкий, английский, французский, русский. В пьесе роботы (именно Чапек изобрел это слово) восстают против людей, убивают всех, кроме одного инженера, но не могут наладить производство новых, утратив секрет оживления механизмов. В финале два робота, мужчина и женщина, влюбляются; их любовь, возможно, породит новую жизнь. Отметим, что Чапек дает двум героиням пьесы, женщине и роботу, имя Елены Прекрасной, отсылая к теме “Фауста”²⁴.

Как известно, Алексей Толстой использовал перевод с немецкого пьесы Чапека, переданный ему Г.А. Кролем для литературной обработки, и на его основе создал свой вариант, “Бунт машин” (1924). Начав работу в 1923 г., Толстой говорил об “адаптации” перевода, а закончив ее в 1924 г., уверял, что взял у Чапека только тему, которая “в свою очередь <...> заимствована с английского и французского” (цит. по: [21, с. 114]). Как тонко показали З.Г. Минц и О.М. Малевич [22, с. 120–164], Чапек использовал тему воскрешения Голема,

²¹ М.А. Волошин к Е.О. Кириенко-Волошиной, Феодосия, 1 мая 1922 г.: “Милая мама. <...> Советую тебе быть очень осторожной относительно мяса: сейчас на базаре очень много человечины, главным образом трупьяго мяса. Но за этот месяц в Судакском районе констатировано 61 детоубойство (на мясо и главн<ым> образом матерями, в С<таром> Крыму — 35. <...> Очень многие солят детей впрок” [20, с. 478–479].

²² Rolland, Romain. La révolte des machines ou la pensée déchaînée. Illustrations de Frans Masereel. Paris: Sablier, 1921.

²³ Seuhl, Antonin. La grève des machines, roman nouveau. Paris, Baudinière, 1924.

²⁴ В романе “Война с саламандрами” (1936), в аллегорической форме описывающей наступление фашизма, Карел Чапек вновь поставил вопрос об ответственности людей, порождающих силу, которая их уничтожит.

искусственного человека²⁵, для философской драмы о кризисе механистического общества, основанного на тейлоризме, в котором люди похожи на роботов, будь оно капиталистическое или социалистическое. А.Н. Толстой (который, как все, читал “Закат Европы” Шпенглера) переставил акценты: роботы совершают революцию, но не без помощи людей. Уничтожив своих создателей, лучшие из них узнают любовь и, возможно, положат начало новой цивилизации (см. также: [23]).

Теософский контекст

Поскольку заглавие пьесы Толстого прямо отсылает к статьям и стихам Волошина, то история приобретает мистический смысл. Е.Д. Толстая пишет, что в своих статьях и в романе “Хождение по мукам” (ч. 1 — “Сестры”, 1921–1922) А. Толстой использует волошинский образ войны как битвы демонов, вышедших из-под контроля человека²⁶, что в романе писатель не только дает пародийный портрет Блока, но и переиначивает мифологические структуры прозы Андрея Белого²⁷. Исследовательница подробно анализирует антропософский контекст фантастического романа “Аэлита” (1923–1923)²⁸, в частности использование идей Е. Блаватской и Р. Штейнера об Атлантиде, сходство инженера Лося с Андреем Белым, а также перекличку с мистическими эпизодами из сказки Карло Коллоди: марсианка Аэлита и девочка с голубыми волосами восходят к одному литературному архетипу — мертвой невесте²⁹ (в том числе, добавим, к “Коринфской невесте” Гёте).

В том же 1924 г., что и “Бунт машин”, в Берлине вышел перевод “Приключений Пиноккио” Карло Коллоди, сделанный в 1923 г. Ниной Петровской³⁰ и обработанный А.Н. Толстым. Исходная

ситуация та же: чудесное оживление деревянной куклы и превращение ее в человека.

Как показал М. Петровский [26], А.Н. Толстой, превратив в 1935–1936 гг. сказку Коллоди в “Золотой ключик, или Приключения Буратино”, использовал прием “романа с ключом”: Буратино, переживающему серию мистических приключений (в том числе, временную смерть), отводится роль Андрея Белого, Пьеро — это Александр Блок, Мальвина — Любовь Дмитриевна Блок, Карабас Барабас — Всеволод Мейерхольд и т.д. Добавим, что имя последнего пришло из “Бармалея” Чуковского, а внешне (бородатый, приземистый, толстый) он похож, скорее, на Волошина. М. Петровский проанализировал литературную игру и в предшествующих произведениях Н.И. Петровской и А.Н. Толстого, где появляются Белый и Блок.

В “Золотом ключике” куклы устраивают бунт против режиссера и побеждают, создав свой театр. Но при этом, в отличие от “Пиноккио”, они не становятся людьми.

М. Петровский логично сопоставляет “Золотой ключик” с рассказом А. Толстого “Граф Калиостро” (1918–1921, опублик. в 1922 г. под названием “Лунная сырость”), в котором заезжий маг оживляет портрет умершей дамы. На свет является живой труп (“Отменный получился кадавр”). Герой должен сжечь покойницу-разлучницу, чтобы победить Калиостро и соединиться с любимой (юной женой кудесника). Толстой использовал книгу Михаила Кузьмина “Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро” (1919); вряд ли он вспомнил о комедиях императрицы Екатерины II, противницы масонов, и вольного каменщика Гёте, осмеявших мага и его приверженцев. За псевдоисторическими масками у него скрывались современники. Е.Д. Толстая полагает, что Алексей Толстой метил в Р. Штейнера, с которым в ту пору разошелся Андрей Белый [25, гл. 6].

Как показывает исследовательница, Максимилиан Волошин, член парижских масонских лож, был не только литературным, но и антропософским наставником А. Толстого; другим мистическим учителем был Андрей Белый [25, гл. 6]. Однако прослушав в Берлине в конце 1908 г. двухчасовую лекцию Штейнера, Толстой, из-за плохого знания немецкого языка, не понял почти ничего, а попробовав пересказать на башне у Вячеслава Иванова уроки Белого, сел в лужу. И. Эренбург излагает “анекдот” со слов Волошина, который слышал его от кого-то еще:

Вскоре после этого на “башне” зашел разговор о Блаватской, о Штейнере. Толстому захотелось

²⁵ В 1914 г. Густав Майринк в романе “Голем” переработал древнюю еврейскую легенду в рассказ о переселении душ.

²⁶ См.: [24, с. 292–301]. В свою переделку пьесы Георга Бюхнера “Смерть Дантона” (1918) Толстой включил похвальное слово гильотине: “Эта машина вышла из небытия, чтобы, как огненный ангел, вести французский народ к бессмертной славе” [24, с. 196].

²⁷ См.: [25, гл. 6 (“Берлинская лазурь: Андрей Белый и оккультные увлечения Алексея Толстого”)]. Я использовал электронное издание, поэтому указываю не страницы, а главы.

²⁸ Н.И. Петровская посвятила “Аэлите” восторженную рецензию.

²⁹ См.: [25, гл. 6 (“Берлинская лазурь: Андрей Белый и оккультные увлечения Алексея Толстого”) и гл. 8 “Золотой ключик к серебряному веку”)].

³⁰ В. Брюсов воспроизвел историю любовных взаимоотношений между Н.И. Петровской, им самим и Андреем Белым в мистическом романе “Огненный ангел” (1907), среди действующих лиц которого: Агриппа Неттесгеймский, Фауст и Мефистофель.

показать, что он тоже не профан, и вдруг он выпалил: “Мне в Берлине говорили, будто теперь египтяне перевоплощаются...” Все засмеялись, а Толстой похолодел от ужаса [2, с. 150].

Правдивость истории подтверждает письмо Толстого к Волошину от 8 января 1909 г. (см.: [27, с. 110], [25, гл. 6]). Реплика вызвала всеобщий смех, но она — эхо интереса теософов к Египту, усилившегося под влиянием сочинений Блаватской³¹. Более того, это прямой пересказ первой из лекций Р. Штейнера “Египетские мифы и мистерии”, прочитанных в Лейпциге в сентябре 1908 г.:

Для нас всегда было самым близким учение о перевоплощении. Подумав над этим, мы можем спросить: да, души, которые живут в нас теперь, уже раньше жили; разве невозможно, чтобы они некогда жили в древнем Египте, что в нас — души, которые некогда видели гигантские пирамиды и загадочного сфинкса?

На этот вопрос нужно ответить утвердительно [28].

Даже тема бунта машин-демонов восходит к Египту и к Гёте (“Ученик чародея”, 1797), как пишет Волошин в черновых набросках поэмы “Путями Каина”:

В египетском рассказе, перепетом Гёте,
Читаем об ученике, который
В отсутствии учителя, призвав
Стихийных духов, ими был растерзан.

[19, с. 604]

Итак, французская газета, поместив юмористический рассказ, стремилась поддержать моральный дух парижан во время войны и, возможно, намекнуть им на возможные социальные потрясения. Однако, если прочесть его в контексте символистского жизнотворчества, то за ним встает долгая история диалога и спора двух главных его героев, Волошина и Толстого. Как если бы они, толстый и тонкий, и вправду были трансформациями одной ипостаси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маревна (Мария Воробьева-Стебельская)*. Моя жизнь с художниками “Улья” / Пер. с англ. М.: Искусство — XXI век, 2004. 290 с.
2. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 1.

³¹ Напомним, в частности, о мистических рассказах Артура Конан-Дойля 1890-гг. о магнетизме, воскресшей мумии, египетской тайне вечной жизни и переселении душ (“Паразит”, “Номер 249”, “Кольцо Тота”, “Сквозь пелену”).

3. *La belle matinée* // *Le Cri de Paris*. 1918, 31 mars. P. 9–10 (rubrique “Lettres et arts”).
4. *Kliebenstein G.* Une mystification absolue — Sur le “souper de Cazotte” // *Romantisme*. 2002. № 116. P. 19–34 (Blagues et supercheries littéraires).
5. *Волошин М.А.* Собр. сочинений: [В 13 т.]. Т. 9: Письма 1903–1912. М.: Эллис Лак, 2010.
6. *Тюстин А.В., Шишкин И.С.* Славу Пензы умножившие: Пензенская персоналия: [В 3 т.]. Пенза: Айсберг, 2012. Т. 1.
7. *Сироткина И.В.* Свободное движение и пластический танец в России. М.: НЛО, 2014. 319 с.
8. *Басалаев И.Н.* Записки для себя // *Воспоминания о Волошине*. М.: Сов. писатель, 1990. С. 566–582.
9. *Жолковский А.К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. 392 с.
10. *Никулин Л.* Годы нашей жизни: Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий, 1966. 512 с.
11. *Вадимов А.А., Тривас М.А.* От магов древности до иллюзионистов наших дней. М.: Искусство, 1966. 308 с.
12. Мемориальная библиотека М.А. Волошина в Коктебеле. Книги и материалы на иностранных языках. Каталог. К 100-летию Дома Максимилиана Волошина. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 476 с.
13. *Волошин М.А.* Собр. сочинений: [В 13 т.]. Т. 6, кн. 1: Проза 1906–1916. М.: Эллис Лак, 2007.
14. *Волошин М.А.* Собр. сочинений: [В 13 т.]. Т. 3: Лики творчества. Кн. 1. М.: Эллис Лак, 2006.
15. *Волошин М.А.* Собр. сочинений: [В 13 т.]. Т. 6, кн. 2: Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. М.: Эллис Лак, 2008.
16. *Chapuis A., Gélis E.* Le Monde des automates. Étude historique et technique [1928]. Genève: Slatkine, 1984. Т. 1–2.
17. *Doyon A., Liaigre L.* Jacques Vaucanson, mécanicien de génie. Paris: PUF, 1966.
18. *Baudouin P.* Machines “nécrophoniques”: Thomas Edison et la voix des morts // *Syntone*. 2014, 19 septembre [режим доступа: <http://syntone.fr/machines-necrophoniques-thomas-edison-et-la-voix-des-morts/>].
19. *Волошин М.А.* Собр. сочинений: [В 13 т.]. Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931. М.: Эллис Лак, 2004.
20. *Волошин М.А.* Собр. сочинений: [В 13 т.]. Т. 9: Письма 1912–1924. М.: Эллис Лак, 2013.
21. *Сарнов Б.М.* Сталин и А.Н. Толстой // *Сарнов Б.М. Сталин и писатели*. Кн. 2. М.: Эксмо, 2009. С. 5–250.
22. *Миц З.Г., Малевич О.М.* К. Чапек и А.Н. Толстой. А.Н. Толстой в Чехословакии в 1935 г. // *Труды по*

- русской и славянской филологии. [Вып. I] (Ученые записки Тартуского университета. № 65). Тарту, 1958. С. 120–164.
23. Никольский С.В. К истории знакомства с пьесой Чапека “Рур” в России // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 407–418.
 24. Толстая Е.Д. “Деготь или мёд”. Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГГУ, 2006. 684 с.
 25. Толстая Е.Д. Ключи счастья. Алексей Толстой и литературный Петербург. М., НЛО, 2013. 533 с.
 26. Петровский М.С. Что отпирает “Золотой ключик” // Петровский М.С. Книги нашего детства. М., Книга, 1986. С. 147–220.
 27. Купченко В.П. Первый наставник. Из писем Алексея Толстого к Максимилиану Волошину // Литературное обозрение. 1983. № 1. С. 107–112.
 28. Штейнер Р. Египетские мифы и мистерии. СПб.: Изд-во “Дамаск”, 2007. 192 с. [режим доступа: http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Book&Id=106]
 10. Nikulin, L. *Gody nashej zhizni: vospominaniya i portrety* [Years of Our life: Memories and Portraits]. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1966. 512 p. (In Russ.)
 11. Vadimov, A.A., Trivas, M.A. *Ot magov drevnosti do illyuzionistov nashikh dnei* [From Magicians of Ancient Times to Illusionists of Our Days]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966. 308 p. (In Russ.)
 12. *Memorialnaya biblioteka M.A. Voloshina v Koktebele. Knigi i materialy na inostrannykh yazykakh. Katalog. K 100-letiyu doma Maksimiliana Voloshina* [The Memorial Library of Voloshin, M.A. in Koktebel. Books and Materials in Foreign Languages. Catalogue. To the Centenary of Maksimilian Voloshin's House]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2013. 476 p. (In Russ.)
 13. Voloshin, M.A. *Sobr. sochinenij: [v 13 t.]. T. 6, kn. 1: proza 1906–1916* [Collected Works in 13 Vols. Vol. 6, Book 1: Prose 1906–1916]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. (In Russ.)
 14. Voloshin, M.A. *Sobr. sochinenij: [v 13 t.]. T. 3: Liki tvorchestva. Kn. 1* [Collected Works in 13 Vols. Vol. 3: Faces of Creativity, Book 1]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2006. (In Russ.)
 15. Voloshin, M.A. *Sobr. sochinenij: [v 13 t.]. T. 6, kn. 2: proza 1900–1927. Ocherki, stati, leksii, retsenzii, nabroski, plany* [Collected Works in 13 Vols. Vol. 6, Book 2: Prose 1900–1927. Essays, Articles, Lectures, Reviews, Drafts, Plans]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2008. (In Russ.)
 16. Chapuis A., Gélis E., Le Monde des automates. Étude historique et technique [1928]. Genève: Slatkine, 1984. T. 1–2.
 17. Doyon A, Lucien Liaigre L. Jacques Vaucanson, mécanicien de génie. Paris: PUF, 1966.
 18. Baudouin, Philippe. Machines “nécrophoniques”: Thomas Edison et la voix des morts // Syntone. 2014, 19 septembre [режим доступа: <http://syntone.fr/machines-necrophoniques-thomas-edison-et-la-voix-des-morts/>].
 19. Voloshin, M.A. *Sobr. sochinenij: [v 13 t.]. T. 2: Stikhotvoreniya i poemy 1891–1931* [Collected Works in 13 Vols. Vol. 2: Poems 1891–1931]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2004. (In Russ.)
 20. Voloshin, M.A. *Sobr. sochinenij: [v 13 t.]. T. 9: pisma 1912–1924* [Collected Works in 13 Vols. Vol. 9: Letters 1912–1924]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2013. (In Russ.)
 21. Sarnov, B.M. *Stalin i A.N. Tolstoy* [Stalin and A.N. Tolstoy]. Sarnov, B.M. *Stalin i pisateli. Kn. 2.* [Stalin and Writers. Book 2]. Moscow, Eksmo Publ., 2009, pp. 5–250. (In Russ.)
 22. Mintz, Z.G., Malevich, O.M. *K. Chapek i A.N. Tolstoy. A.N. Tolstoy v Chekhoslovakii v 1935 g.* [K. Chapek and A.N. Tolstoy. A.N. Tolstoy in Czechoslovakia in 1935]. *Trudy po russkoj i slavyanskij filologii. [Vyp. I] (Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. 65)* [Studies in Russian and Slavic Philology. Iss. 1 (Bulletin of the Tartu University. 65)]. Tartu, 1958, pp. 120–164. (In Russ.)

REFERENCES

1. Marevna (Mariya Vorobeve-Stebelskaya). *Moya zhizn s khudozhnikami “Ulya”. Per. s angl.* [My Life with the Artists of “Beehive”. Transl. from English]. Moscow, Iskusstvo – XXI vek Publ., 2004. 290 p. (In Russ.)
2. Ehrenburg, I. *Lyudi, gody, zhizn: v 3 t. T. 1* [People, Years, Life: in 3 Vols. T. 1]. Moscow, Sov. pisatel Publ., 1990. (In Russ.)
3. La belle matinée. Le Cri de Paris. 1918, 31 mars. P. 9–10 (rubrique “Lettres et arts”).
4. Kliebenstein, Georges. Une mystification absolue – Sur le “souper de Cazotte”. *Romantisme*. 2002. № 116. P. 19–34 (Blagues et supercheres littéraires).
5. Voloshin, M.A. *Sobr. sochinenij: [v 13 t.]. T. 9: pisma 1903–1912* [Collected Works in 13 Vols. Vol 9: Letters 1903–1912]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2010. (In Russ.)
6. Tyustin, A.V., Shishkin, I.S. *Slavu penzy umnozhevshie: penzenskaya personaliya: [v 3 t.] T. 1.* [Glory of Penza Multiplied: Personalia of Penza. In 3 Vols.]. Penza, Ajsberg Publ., 2012. (In Russ.)
7. Sirotkina, I.V. *Svobodnoe dvizhenie i plasticheskij tanets v Rossii* [Free Movement and Plastic Dance in Russia]. Moscow, NLO Publ., 2014. 319 p. (In Russ.)
8. Basalaev, I.N. *Zapiski dlya sebya. Vospominaniya o Voloshine* [Notes for Myself. Memories about Voloshin]. Moscow, Sov. pisatel Publ., 1990, pp. 566–582. (In Russ.)
9. Zolkovski, A.K. *Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriya* [Mikhael Zoshchenko: Poetic of Distrust]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoj kultury” Publ., 1999. 392 p. (In Russ.)

23. Nikolskiy, S.V. *K istorii znakovstva s pjesoj Čapeka "RUR" v Rossii* [To the History of Acquaintance with the Čapek' Play "RUR" in Russia]. *Slavyanskij almanakh 2003* [Slavic Almanac 2003]. Moscow, Indrik Publ., 2004, pp. 407–418. (In Russ.)
24. Tolstaya, E.D. *"Degot ili mjad". Aleksey N. Tolstoy kak neizvestnyj pisatel (1917–1923)* ["Tar or Honey". Aleksey N. Tolstoy as an Unknown Writer (1917–1923)]. Moscow, RGGU Publ., 2006. 684 p. (In Russ.)
25. Tolstaya, E.D. *Klyuchi schastya. Aleksey Tolstoy i literaturnyj Peterburg* [Happyness Keys. Aleksey Tolstoy and Literary Petersburg]. Moscow, NLO Publ., 2013. 533 p. (In Russ.)
26. Petrovskiy, M.S. *Čto otpiraet "zolotoj klyuchik"* [What does the Golden Key open?]. Petrovskiy, M.S. *Knigi nashego detstva* [Books of Our Childhood]. Moscow, Kniga Publ., 1986, pp. 147–220. (In Russ.)
27. Kupchenko, V.P. *Pervyj nastavnik. Iz pisem Alekseya Tolstogo k Maksimilianu Voloshinu* [The First Teacher. From Letters of Alexey Tolstoy to Maksimilian Voloshin]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Observer]. 1983. No 1, pp. 107–112. (In Russ.)
28. Steiner, R. *Egipetskie mify i misterii* [Egyptian Myths and Mysteries]. St. Petersburg, Izd-vo "Damask" Publ., 2007. 192 p. (In Russ.) [http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Book&Id=106]